

Кладем петунии

Бухгалтер М. стянул нарукавники и сунул их в ящик стола. Остальное было убрано еще с вечера, а компьютер закодирован от сослуживцев паролем "дядя Константин Макарыч". Почему так — станет ясно из дальнейшего.

Бухгалтер М. уходил в отпуск, вознамерившись наконец навестить могилу незабвенного своего дяди, каковой, когда М. в детстве потерял родителей, утешал его в сиротстве, старательно воспитал и, будучи сам бездетным, привязался к мальчику, как к родному.

За свою жизнь дядя скопил довольно денег и, оставив значительную сумму племяннику, завещал похоронить себя по среднему разряду во Вселенной на одном из пользовавшихся солидной репутацией кладбищ. Усопшего доставили черным лакированным средством куда завещал, и он упокоился между толстоногой эстрадной певицей, а также человеком, который от прежних времен владел секретом изготовления краковской колбасы, на чем и нажился.

Посещение дядиной могилы, которое бухгалтер М., коря себя и угрызаясь, непростительно долго откладывал, возможно было осуществить тремя способами.

Виртуальным, когда вообще никто никуда не летит, а посещение переживают путем соответствующих имитаций, причем правдоподобие гарантируется даже в мелочах. Это многих устраивало и, будучи особым образом обработаны, они доподлинно переживали скорбную свою миссию, включая эффект взезмного погоста, после чего возвращались взволнованные и божились, что никакой неестественности не ощущали, что и полет, и посещение прошли как настоящие — разве что не получалось на дороге могиле прослезиться: в этой части программа была еще не доработана, поскольку сделать ее в соответствующем *изошрении* (о словце этом в дальнейшем будет сказано) пока что у программистов не получалось.

Второй способ состоял в поездке на космическое кладбище *смоделированное*, каковое фирма дотошно воспроизводила в некоем из бесповоротно поруганных и потерянных для жизни уголков земного шара. *Псевдодоплетали* туда на соответственном космическом *псевдоаппарате*, причем фирмой гарантировалось ощущение невесомости, закладывание ушей, достижение скорости света и полная трансляция всего, что происходило, для остальных неполетевших родственников, дабы родня тоже поучаствовала в печальной поездке. Словом, все происходило и тут абсо-

лютно правдоподобно. Дорожное питание выдавалось в тубиках, причем все было тоже продумано, и помянутая, скажем, краковская колбаса, сперва выползавшая червяком из дырочки, незамедлительно обретала свою магазинную форму — то есть утолщалась, твердела, привычно застревала волоконцами в зубах, а кое-кому даже деформировала зубные протезы. И все бы хорошо, однако согласившихся на такой способ все равно не покидало ощущение обмана, и они, пялясь в иллюминаторы, норовили уличить фирму в мельчайших несообразностях, дабы по окончании тура отсудить компенсацию. И немалую.

Третий же способ представлял собой реальный полет к месту космического упокоения и был не только дороговат, но и предусматривал ряд особых подготовительных процедур.

Помня дядины доброту и заботу, бухгалтер М. просто не мог пойти на то, чтобы посещение дорогой могилы было разыграно, как бы похоже все ни выглядело, в поганом уголке земного шара или внедрено в мозги с помощью замысловатых уловок.

Понятно, что бухгалтер М. избрал способ третий.

Тут главной сложностью было организовать поездку так, чтоб с учетом дороги туда и обратно плюс сюда же скорбный визит, уложиться в двадцатичетырехдневный отпуск, для чего применялись особые — вроде бы простые, а на самом деле сверхсложные, — манипуляции на генетическом уровне, обеспечивавшие искажение времени и пространства.

Генетические эти проблемы решались особыми инъекциями, или, как все еще их называла улица, *уколами*. Укол в ягодицу (или, как все еще называла улица, куда) прошел терпимо. Сидеть после него было сразу не больно. А вот вливания в вену, делаемые специальным устройством, для спокойствия клиента имевшим вид медсестры с открытым до невозможности декольте, дали на сгибах рук синяки, и другое грудастое в накрахмаленном халатике приспособление сводило их с бухгалтера М., склоняясь как надо.

Потом у него отключили центры ощущения времени, в частности, запретили брать какие бы то ни было часы. Хоть ручные, хоть карманные. Он сперва думал прихватить с собой дешевую китайскую ручку с маленьким простеньким дисплеем, но на пропускном пункте металлическим голосом ему отсоветовали: "Еще одна попытка пронести с собой *время*, и вы ни к какому дяде не полетите, причем деньги не возвращаются!".

С пространством, которое тоже следовало недоощущать, поступили и вовсе просто. Попрыскав вокруг М. каким-то веществом, целиком

удалили вокруг него ближайший пространственный слой в предположении, что М., если не дурак, соваться за эти границы в летательном аппарате не станет.

Лететь полагалось без вещей. Все необходимое предоставляла фирма. Даже цветы. Его заранее спросили, какие растения он хочет возложить. "Петунии! — грустно ответил бухгалтер М. — Дядя Константин Макарыч любил их!"

И наконец, М. пересек что-то вроде предбанника, где ему побрили всё туловище, а на руках и ногах остригли ногти, что производилось для максимальной редукции веса. Полету следовало быть крайне экономным. Даже в пилоты набирали тех, кто не вышел ростом и был тщедушный. Таких когда-то определяли в верховые ипподромные жокеи.

Костюм бухгалтер задумал строгий, но и его тоже не надо было брать. Пассажир снабжался особыми баллончиками. На одном стояло: "Одежда дорожная". На другом — "Галстуки и запонки". На третьем — "Скорбный комплект" и т. п. Довольно было распылить содержимое в свою сторону и любую одежду на себе создать. Причем никакой синтетики. Только хлопок или шерсть.

Словом, все, что положено, было тщательно выполнено, и бухгалтер М. погрузился в *летальную* машину (игра слов в данном термине уже давно никем не улавливалась).

Баллончик "Дорожное" образовал на М. удобный тренировочный костюм с белыми полосками на штанах (чистый, конечно, хлопок), так что бухгалтеру оставалось усесться в кресло и пристегнуться (отстегиваться не дозволялось ни в коем случае).

И вот голос пилота сообщил, что они летят, и что М. как хочет, но лично он, пилот, заваливается спать, потому что время на приборной доске отключать запрещено, а лететь черт-те куда, и он хочет после двух выходов отоспаться, для чего переходит на полет автоматический.

В кабине было как дома. Где-то правдоподобно капал кран, над головой шаркали тапочки, поскрипывали двери, а за стеной бубнили соседи. Даже заголосила на чых-то "Жигулях" противоугонная система.

Всем этим фирма обеспечивала уют и приятность полета.

Через какое-то — усеченное для М. — время заспанный пилот возвестил: "Приближаемся к юдоли скорби! Быть в подобающем виде. Где переодеться, знаем".

Бухгалтер М. ступил в туалетный отсек, и тотчас раздалось радушное: "Присаживайтесь. Туалетная бумага слева, дамские пакеты — справа.

Просьба использованное аннигилировать в мусоросборнике". Затем заиграла музыка. "Картинки с выставки" Мусоргского.

Бухгалтер М. достал с полки баллончик "Мужской траурный костюм английского покроя с темным галстуком и черными носками" и стал напылять на себя его субстанцию. Напыляясь, костюм в целях экономии веса вбирал фрагменты уже бывшего на бухгалтере тренировочного. Спустя мгновение (заменить эту земную толику времени другим словом нам пока не удастся) бухгалтер М. был соответственно одет и обут.

Ступив в кабину, он от удивления даже вскрикнул. Пол и стены, явно наличествуя и представляясь надежными, стали теперь абсолютно прозрачны, а сквозь них виднелся космос. Правильнее сказать, не виднелось ничего. Космос просто наличествовал сверху, снизу, вдали и по сторонам, причем чернота его была неопишима. Она казалась даже гуще черноты английского костюма, что было уж совсем удивительно, потому что английские сукончики окрашивали ткань в черный цвет как никто.

Редкие звезды и светила окрестный мрак не освещали, и в голове бухгалтера М. сразу возникла строчка какого-то позабытого школьного стихотворения "Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге, дрожащие огни печальных деревень". Но тут вспыхнули прожектора и рефлекторы *летальной* машины и все преобразилось. На огромном пространстве насколько хватал глаз, вытянувшись, отчего казались особо долговязыми, уложенные правильными арлингтонскими рядами, в бесчисленном множестве, головами в одну сторону, ногами в другую, словно бы устремляясь куда-то, сияя под прожекторами, точно чертежные принадлежности на бархате большой черной готовальни, взгляду предстали покойники. Причем некрополь пересекался аллеями, и повсюду виднелись указатели.

"Какое-то время мы тут поперемечаемся. Подправим отклонившихся! — услышал М. голос пилота. — При полете к нашему — предупрежу".

Поразительное кладбище удивляло многим. Большинство вечных его постояльцев покоились без гробов — доставка в домовине стоила огромных денег. Зато кое-кто был обложен пухом. Так родственники, желая хоть что-то для дорогого праха сделать, истолковывали похоронное напутствие "Да будет тебе земля пухом", к тому же и подвоз пуха обходился в копейки. Кое-где торчали надгробные стелы, а кое над кем нависали от метеоров бетонные прямоугольники.

Погост вообще-то находился в довольно безопасном углу Вселенной. Метеорные потоки здесь наблюдались минимально, а залетавшие космические частицы бывали невелики и производили незначительный беспо-

рядок. Хотя могло залететь что-то и размером с кирпич. Но такое случилось редко. К тому же все могилы были застрахованы.

На большинстве из упокоившихся посверкивал тонюсенький иней. Абсолютный нуль межзвездных пространств совершал свое дело. Оттого-то под осветительными устройствами аппарата поле скорби сияло и сверкало, чем еще больше напоминало готовальню с рейсфедерами и стиснутыми в бархатных желобках циркулями.

Бухгалтер М. открывшимся зрелищем был просто ошеломлен, а пилот между тем время от времени давал необходимые пояснения. Например, что магометан тут не хоронят, потому что фирма не успевает доставить уопшего за день — магометане закапывают своих в день смерти.

Иногда он чертыхался, увидев кого-то, чересчур сдвинутого метеором, а иногда, забывая про микрофон, матерился.

"Всё. Достигли! — сказал он наконец. — Приготовляемся скорбеть". И тут бухгалтеру М. на некоторых надгробиях бросились в глаза фашистские знаки. Виднелась на одном и надпись "Еврей не суйся в эмпирей", причем без полагающейся запятой. Возле таких надгробий столбом повисал погромный пух.

"Опять осквернили! Прилетают козлы по ночам на военных машинах и бесчинствуют! — заворчал пилот. — А ты оттирай! Но и эти хороши, — пилот не мог успокоиться, — устроили для своих тут Новодевичье! Деньги им, блин, кучами достаются!"

Пилот принялся перемещаться, удаляя написанные глупости и корректируя сдвинутых. А бухгалтер М. внезапно увидел дядю — это пилот, чтобы покойники предстали в своем ненарушимом виде, включил противоинеевый обдув.

Дядю можно было и не обдувать — Константина Макарыча хоронили *остекленным*. Во избежание возникновения на кадаврах инея и замерзания последних в кость, отчего при соударении космические частицы могли расколотить дорогого человека вдребезги, применялось *остекление*, или в просторечии *остекленение*. Труп обволакивался тоненькой, но несокрушимой стекловидной броней, отчего не испарял влагу, а значит, не покрывался инеем, и никакой космической дребеденью не мог быть уничтожен, разве что сдвинут, виднеясь при этом сквозь стекло как живой.

Явившийся в луче между певицей и колбасником, слегка был сдвинут и дядя. Этак что-нибудь на палец. И — о чудо! Космический камешек, сместивший его, вероятно, отскочив после соударения, обращался теперь вокруг Константин Макарыча наподобие спутника, так что Константин

Макарыч в каком-то смысле попал в число небесных тел, обладателей спутников, что молва полагала везением не меньшим, чем родиться в рубашке, ибо мало кому доводилось таким образом на веки вечные обеспечить себе хоть какое-то, но одиночество.

В космической мерзлоте — к тому же застекленный — дядя выглядел прекрасно, словно только что из морга. Щеки его были румяны, густые брови — сама доброта, а глаза закрыты, как если бы от чего-то приятного. Племяннику он, казалось, обрадовался, и даже как будто слегка улыбался.

"Кладем петунии!" — распорядился пилот, а бухгалтер М., будучи в прозрачной кабине впритык к дяде, сглотнул слезу и, двигая особой рукоятью, положил букетик (тоже застекленный) у дядиных полуботинок.

Когда дядю подвинули, зазвучала панихида. Это совершалось из формального почтения к Всевышнему, коего уже давно трактовали не всерьез. Создатель, между прочим, в один прекрасный день снова являлся на Синайской горе, но уже не в горящем кусте и не в тучах, а какой есть, причем с Ним был установлен обыкновенный переговорный, совсем не мистический контакт. Выяснилось, что Творец давно уже не Тучегонитель и устранился от дел.

"По молодости, — в некотором раздражении возвестил Он, — я продолжал увлекаться Творением, но когда понял, что все идет не туда, составил десять заповедей, полагая, что теперь уж скособочить мой замысел будет невозможно.

Да! Про Большой Взрыв вы догадались! Но догадка ваша гроша ломаного не стоит. Что именно рвануло, вы понятия не имеете. А я ведь на материал для Вселенной взорвал Сатану — до сих пор еще по небесам излишки летают! Но нет! Не Большой Взрыв был началом, а мое Слово, по-вашему пароль. Оно только и было вначале. И вам-то уж его не узнать сроду!

Я создал Вселенную из собственной воли и, честно говоря, на порыв свой понадеялся. Чего только я не напридумал! Ограничил вас непостижением бесконечности, сузил тремя измерениями, покатил по желобу шар бытия... Этого, как мне казалось, будет довольно. Увы, я не учел, что, ковыряясь в цепи причин и следствий, вы обязательно доковыряетесь черт-те до чего.

Теперь мне все это малоинтересно. Я обдумываю новую Вселенную. Новый ее тип. Будут ли в ней приматы, пока не знаю. Но про три измерения забудьте — на самом деле есть семь *исхищений*. Седьмое есмь Я — Господь!

Созданные навсегда, вы же, тем не менее, щедры. Прекратить вас можно в любую минуту. Семьдесят градусов выше нуля или девяносто ниже — и вас нету! А протуберанцы? Каких-нибудь несколько новых и вы — скоропортящийся объект. Да и посудите сами, разве вы люди? — дальше Господь выразился внезапно и резко. — Сволочь вы неблагодарная и ворье! Долги не отдаете, обещаете и не женитесь, по газонам ходите... Знать вас больше не хочу, видеть не желаю! Я — Господь!.."

...Между тем *летальному* аппарату незамедлительно следовало угадать в какое-то благоприятное притяжение и устремиться назад.

"Вы как знаете, а я по новой спать, мне еще посадку совершать надо!" — послышался голос пилота, а взволнованный и расстроенный М. пристегнулся и глубже втиснулся в кресло.

Когда потухли прожектора, поле смерти разом исчезло в космической черноте. Однако неверный свет звезд свое дело делал, и кладбище, когда привыкли глаза, опять казавшееся бескрайней слегка как бы выпуклой плоскостью (при свете прожекторов было виден разве что участок соток в двенадцать), стало слегка посвечивать каждым покойником, летевшим с десятками тысяч других в некоем недоступном нашему разуму вечном и забвенном *исхищрении*.

Только что бескрайнее и тысячемильное, а теперь быстро удалявшееся и похожее на тусклый Млечный Путь, оно казалось таким потерянным, таким отчаянно покинутым, такой там остался милый и словно бы виновато улыбающийся дядя, что горло у бухгалтера М. перехватило, а сердце в груди стеснилось,

Между тем за иллюминатором появился увесистый нахальный бульжник, привязавшийся к ним еще по дороге сюда. Как его пилот тогда ни отпихивал, как ни отдувал, бульжник неотвязно несся рядом.

"А вокруг дяди только камушек обращается! Боже мой! А я тут живой и здоровый... И еще булыган этот..."

Не владея больше собой, зарывавший бухгалтер нештатно отстегнулся и бросился к иллюминатору последний раз глянуть вспять на блеклое поле скорби, казавшееся теперь не больше носового платка, а поскольку бульжник весь вид заслонял, пришлось порядком избочиться.

"Милый дядя, Константин Макарыч!" — бился бухгалтер в истерике... Английский костюм на нем хотя и корбился, но от туловища не отлегал...

В предбаннике, где с бухгалтером М. скорбный этот костюм и лакированные туфли аннигилировали, было холодно. Ступни неприятно касались прохода из деревянных реек, уложенного по цементному полу.

Метания по кабине, то есть запретное пребывание в реальном пространстве, аукнулись. Когда на службе подсчитали, что время отпуска таким образом было сильно превышено, М. оказался на грани увольнения.

Однако ждать приказа он не стал и уволился сам, даже не взяв из стола привычные нарукавники.

Деньги у него после расходов по полету оставались. Но не столько, чтобы в будущем хватило на похороны во Вселенной, даже если погребаться без *остекления*. Да и кто к нему прилетит? Бухгалтер М. был бездетен и одинок. Женщины же никого так быстро, как бухгалтеров, не забывают.

Быть без хлопот похороненным на Земле пока еще удавалось. Правда, о могиле с оградкой или о нише в крематории давно не могло быть и речи. Не внявшая десяти заповедям Земля неумолимо вырождалась. Сожженным тобой просто выстреливали из старой пушки в сторону, для всякого населенного пункта определявшуюся местными властями.

Разумеется, прахом бухгалтера М. тоже выстрелили. Хорошо, если ничего не перепутали.

Москва

